

ДАРЬЯ СОЛЬ

МАЯК И СМОТРИТЕЛЬ

Дарья Соль

Маяк и смотритель

«Издательские решения»

Соль Д.

Маяк и смотритель / Д. Соль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985753-8

Сборник стихов поэта Дарьи Соль — истории из пограничья света и тьмы, внутренние маяк и смотритель, письма из молчания. В книгу вошли избранные тексты 2014—2019 гг.

ISBN 978-5-44-985753-8

© Соль Д.
© Издательские решения

Содержание

«Оттого, что рана твоя больше тебя стократ...»	6
«Разбитое сердце складывают вот так...»	7
Счастливого астрала	8
«Какую историю хочешь сегодня узнать?..»	9
Я всё время искал неправильно	10
«Тот некто так ждал...»	11
Огонь, запаянный в бирюзе	12
Чёрный ящик	13
«Я никогда не чувствовал разницы...»	14
Мастер крушить	15
«Чёрный маяк и смотритель не ждут вестей...»	16
Венки из акации	17
Пустая фонема	18
«Кто мог, но так ни разу и не спел...»	19
Карта леса	20
«Жаль, что я переживаю всё, что не должен бы пережить...»	21
Сторожить нашу тьму	22
«Но тут-то приходишь ты, недоразумение...»	23
Вспомни меня	24
«Я смотрю на тебя, и, кажется, я тебя знаю...»	25
В здешних лесах	26
«Под этой брусчаткой когда-то лежала трава...»	27
Как тут поговорить	28
«Мы не просили этой музыки, Отец...»	29
Пусть это будешь ты	30
Тайный луг	31
«На всякий случай я умру в твоей груди...»	32
Стихи в коробке от ружья	33
«Не каждый день приходит письмо, поступает входящий...»	34
Реальность придумала снег	35
«Я, конечно, могу тебя вылечить, кем бы ты ни был...»	36
Охико	37
Ящик Пандоры	38
«Человек просыпается, будит свою тоску...»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Маяк и смотритель

Дарья Соль

Иллюстратор Алексей Глазев

© Дарья Соль, 2020

© Алексей Глазев, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-5753-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Оттого, что рана твоя больше тебя стократ...»

Оттого, что рана твоя больше тебя стократ
и кричать позволено только в листы тетради,
ты не спишь и думаешь: «Нужно уехать в штат,
какой-нибудь там Висконсин, посеять сад,
жить в безмолвии и осаде,
поливать лужайку, кормить бельчат,
пить сухое белое на террасе».

Оттого, что нет у тебя ключа
от нормальной жизни и дни горчат,
ты мечтаешь лететь по трассе —
справа лес, а по левую сторону Тихий шумит,
и нет большей свободы, чем мчаться с дождём по апрелю.
Видно, так меня любит Вселенная, что защит
где-то между висками сильнейший магнит,
когда я год прикован к постели.

Вот ты думаешь: «Нужно сменить локацию, стиль,
обрести свою веру, прозреть, созерцая ландшафты».

Проще грезить, что ты уже там, после опыта миль,
попиваешь свой кофе, поёшь водевиль
и не был никогда распятым
на кресте повседневности, серой сырой хандры.
Ты так хочешь дорогу, скорость, ветра и скалы,
чтобы тайно надеяться резко слететь в обрыв,
мол, Вселенная, выводи меня из игры.

Я хочу всё сначала.

26.01.2016

«Разбитое сердце складывают вот так...»

Разбитое сердце складывают вот так:
осколками внутрь, заворачивают в наждак,
свёрток – в бумагу и в дальний конец тела,
чтобы совсем не тревожило, не шелестело,
кто-то потом отдаёт его за четвертак,
не стоит его осуждать, и не наше дело.
Те, кто оставил – начнут обживать пустоту:
вот здесь я поставлю ружьё, мини-бар будет тут,
сюда во всю стену проектор, динамик погромче —
проклятый бесформенный свёрток шевелится ночью,
и тихо так воет, как ветер в щелях кают,
как преданный зверь, оставленный в тёмной роще.
Разбитое сердце должно уместиться в строфу;
моё почему-то растёт, расширяясь на фут,
моё воспалённое, доктор, так разве должно быть?
В его перегное рождаются мох и жёлудь,
гляди, через месяц бессмертники зацветут,
а смертные снова придут разбивать и штопать.
Не то чтобы страшно, но вдребезги ведь насовсем?
Мне просто бывает так больно, и футов на семь
уже разрослась эта боль, полнясь липой и соей.
Быть может, их свёртки, мой доктор, оставить в покое?
Не нужно их все подбирать и откачивать всех
и быть нежившим могильником тоже не стоит?

6.06.2018

Счастливого астрала

Когда же наконец я упаду в растущую у дома череду, руками раздирая воздух знойный, – свернусь калачиком, на всех ветрах продут, и к умиранью приступлю весьма спокойно. Я вспомню музыку совсем давнишних снов, я устыжусь, что жил, как старый сноб, в холодном мире стен неинтереса – где ты теперь, мой друг, переиначен, нов – я не подсматривал, хотя – какая пьеса! Когда же грохнусь я на землю в полный рост и моё тело перемелется в компост – здесь вырастет дубок или осина, и я спою (при жизни безголос) листвой, что смерть мудра и выносима, что свет не замуруется на фунт земного тела, вкопанного в грунт – продолжится, на вечность посягая. Когда мои ады меня толкнут, я, наконец, заговорю с богами. И с выгодной позиции ничка я напоследок брошусь духом в облака, когда живое тело так устало, и самолётная бегущая строка провозгласит: «Счастливого астрала!»

Но для чего-то я не падаю пока,
и свет растёт,
и боли очень мало.

31.07.2018

«Какую историю хочешь сегодня узнать?..»

Какую историю хочешь сегодня узнать?
Как деревья с ветрами шепчутся допоздна,
как я слушаю заговор их и ловлю диктофонами,
что моя основная работа – шататься по снам,
забирать у людей смурное, не тронув спокойное.
Что ты хочешь услышать, пока не оборвана связь?
Как года и недели бегут мне навстречу, смеясь,
так что просто застывший я стану местом аварии,
вытру кровь, обыщу все обломки мгновений, их каждую часть —
так и делят хороший рассказ и плохие сценарии.
Вот утраченный день, вот фигура идёт сквозь туман,
кто-то, ищущий знаки, находит в снегу талисман,
вот красивая женщина дарит самой себе фрезии.
Почему я держу эти сказы знамений и ран
очень твёрдо, как нейрохирург, поднимающий лезвие?
Знаешь, в чём волшебство? В том, что каждый, о ком я пою,
никогда не узнает: он – плоть моему острию,
моим писчим кинжалам, что режут вокруг людей серость и
отдают беспризорным хоть в тексте уют и приют.
Есть один лишь рассказ, на который не хватит смелости,
но неважно... спроси всё, что хочется, наперечёт,
как любовь дробит лёд, сколько солнц упустил звездочёт,
как любимо другими, всё то, что в себе ненавидишь ты.

Для себя – лишь надеюсь: Вселенная это прочтёт
и обнимет меня
хоть единожды.

23.06.2017

Я всё время искал неправильно

Одеваешь осеннее небо изнанкой с подкладой, чтобы солнце и звёзды больше не резали лёгкие. Говоришь: «Буду здесь один», – и твои волчата пробираются к сердцу, пока не сомкнулись строки, переводишь на зимний режим шестерёнки августа, по привычке живущего в мыслях морским и лиственным. Мы научимся жить аскетично, просто, покладисто, без сигнальных огней, маяков для своих единственных, ибо к свету никто не приплыл, здесь вины и нет его, он ни в чём не повинен, но порт закрывают на зиму. Одеваешься в серый ноябрь, поменьше светлого, достаёшь новый компас – на старом не сходится азимут. Будет ветрено, будет страшно, темно и холодно, но зверьё в грудной клетке заснёт и согреет мехами. Я хочу, чтоб меня не рвало на четыре стороны, я хочу вместо ниточной боли раз вытащить камень, схоронить его в дальней дороге, какую заслуживал, когда ждал столько эр, что мой Юг превратился в Норвегию. Маяки переводят свой взор к небу в поисках лучшего, я, как худший из них, выбил ток, сберегая энергию. Одеваю колючее небо поверх того пламени, расчищаю на наледи место для новых историй.

Как же ясно теперь – я всё время искал неправильно.
И пока не тебя.

Просто баржу и корм спящей своре.

26.10.2016

«Тот некто так ждал...»

Тот некто так ждал,
что ты наконец придёшь к нему.
Менял обстановку,
вдруг мир не подходит по цвету,
смотрел новый фильм,
не досматривая кассету.
Вдруг ты придёшь в ранах —
заваривал травы таёжные.
Он умер, родился, попрос
и погиб раз тысячу.
Ходил на войну, шёл в монахи
и плыл под парусом.
Он пел о тебе,
и поэтому не состарился,
весь грунт на Земле
его медленной поступью высечен.
Вот здесь, в этом парке
вы встретитесь, как предсказано.
Тот некто сжимает стаканчик
в пустом кафетерии
двухтысячный раз,
раньше здесь процветала империя,
когда он был молод
и здравствовал в теле Лазаря.
Но ты не идёшь,
континенты сокрылись под водами,
все его сопричастные
больше не ходят под солнцем.
И раз в век этот некто
заводит тебе питомца,
чтобы ваши дома
никогда не бывали холодными.
Неужели не видно, как он
маяком твоим, факелом
пересилил пространство и время,
как выстоял, высветил?

Но теперь ему страшно остаться,
вернуться из «при смерти»,

чтобы ты в этот раз,
не дай бог,
не родился без ангела.

8.10.2016

Огонь, запаянный в бирюзе

Ты уедешь в Ригу, уедешь в Таллин, ты найдёшь знамение на вокзале. Все друзья, что были, но не спасали, вспомнят, как ты дорог после «Прощай». Ты построишь домик лицом к озёрам, станешь жить без бункера и забора, приручишь дух леса, прозвав Авророй, возвратишься сердцем к простым вещам. Заплетёшь в запястья лучи и блики, будешь петь лисе, воробьям, бруснике старый блюз о солнечных, ярых, диких пилигримах, странниках синевы. Ты услышишь землю, огонь и праны, словом лучше Библии и Корана прочитаешь мир, что смертельно ранен, но настойчив в жажде дышать живым. Тебе вверят тропы в рассветной дымке – проходи селения невидимкой, избегай постой, колдовство, поимку, будь всегда ни с кем, улыбаясь всем. Ты уйдёшь к порталам и перекрёсткам, забывая жизнь с потолком в известке, где душа на белом казалась броской, как огонь, запаянный в бирюзе. Обретёшь дорогу, язык, науку слышать всё неслышимое за звуком, знать, что все едины и вне друг друга, но легко друг к другу не прирасти. На брусчатке, в поле, на горном кряже – ты повсюду будешь искать себя же, и никто, любовь моя, не расскажет, отчего ты нежность, но и тротил. Ты воздвигнешь мост над земной рекою, ты поймёшь и высшее, и мирское, но во всех мирах не найдёшь покоя, причащённый грустью меж лунных фаз. Я ведь тоже (нежностью и тротилом начинённый) строил дома и силу.

У меня сто раз уже это было.

Но ни разу не было

просто нас.

29.11.2016

Чёрный ящик

На самом деле, я хотел писать тебе романы, пока не кончится моя земная смена, рассказывать о Альпах и Арденнах, о том, как всё, что кажется случайным, сплетётся в предрешённость звёздной Лимой, которую мы сами просчитали. Как мы однажды ждали Ноя на причале и шли камнями Иерусалима. Ты мог бы выслушать мой выговор чернильный, пропитанный слезами сырых полдней, и всё, что мне давалось преисподней, тебе вернётся светлой песней лебединой, всё, что оплачивал сгоранием и комой, ложась мостом между высоким и наземным, тебя найдёт. Я так устал от этой смены! Плыть сквозь безбрежность, в трюме круглого парома, где тошнота – всего лишь меньшая из болей, гораздо тяжелее удержаться на окровавленной, людской площадке плаца, где все – противники на игровой консоли. А я хочу лишь написать тебе истории, как плакать хочется сильнее от хорошего, как всем замёрзшим никогда не хватит розжига и как Луна ложится в волны на Босфоре. Когда реальность била в двери молчаливо, стремясь конфисковать в нас настоящих,

на самом деле, я писал нам чёрный ящик,
не слишком веря, что в игре мы ещё живы.

3.10.2016

«Я никогда не чувствовал разницы...»

Я никогда не чувствовал разницы:
кто жмёт на газ, кто лежит на асфальте,
когда у всех одинаково боли,
всего лишь разный фасон и структура.
Я брал свою в непослушные пальцы,
кормил тобой, говорил всем «Отстаньте»,
писал сюжет, уходил в подполье,
и так рождалась литература.
Но я умел бы намного большее,
если бы что-то помимо страданий
впускал в свой замысел, вечно скомканный,
политый кровью и гневным залпом;
Ведь снег бросал ледяное крошево
в овалы лиц и фасады зданий,
но кто-то шёл, разрывая коконы,
и не боялся туманного «завтра».
Ведь кто-то в мире умеет быть честным,
влюблённым, добрым – да сколько есть качеств,
дающих силы прожить эту вечность,
идти под солнцем, не сбавив шагу.
Но я хочу свою чёртову бездну,
и пусть никто меня не оплачет,
когда коротенький срок до конечной
я запираю свой ужас в бумагу.
Боясь покинуть черту и пораниться,
страшась увидеть в движении истину,
прикинусь сытым в голодном племени,
уйду от всех, починю всё, что сломано.
Я никогда не чувствовал разницы,
это и есть причина спасти себя,
ведь я лежу на асфальте времени,
кричу на мир: «Не дави. Пожалей меня»,
а он жмёт газ
и летит в мою сторону.

4.08.2016

Мастер крушить

Что ты тянешь мне в руки? Неужто это душа? Эй, полегче, приятель, держи там, где следует, строго, в сухом месте, при комнатных градусах, пусть её ржа не коснётся, так же, как жар постороннего вздоха. Это надо ведь с этой душой, как с фарфором, плестись по гвоздям, по углям, осторожничать в речи и темах. В детстве мальчик соседский залез видеть небо на тис и лишился души, подчистую отдал её небу. И сейчас у него звездолёт и космический нюх, вот и думай теперь – мы убьёмся всем тем, что искали. Я же мастер крушить и, конечно, её уроню прямо рядом с моей, сжатой срубленными руками.

18.08.2016

«Чёрный маяк и смотритель не ждут вестей...»

Чёрный маяк и смотритель не ждут вестей,
любить одиночество – значит ему служить,
а позади только ночь и безлюдная степь,
только черта, за чертою – пропасть во ржи.
В тесной каморке карты, постель и хлеб.
Что мы храним, мой маяк? Наше море мертво,
и почему это небо из сотни неб
выбрано, чтобы не видеть в нём ничего?
Звёзды исчезли, стоит зажечь керосин,
эра сменяет эру, твердит календарь,
только одно, для чего остаётся сил —
спрашивать: я колокольня или звонарь?
Свет или лампа, музыка или струна?
Кем я хочу умереть, когда подрасту?
Делай своё вино, не проси вина,
будь же объятым огнём у всех на виду.
Там, где тебя сейчас нет, за пределом ума,
строится мир, для которого ты рождён —
будешь потом новой книгой лежать в домах,
пусть они знают, куда тебя вёз Харон.
Сейчас временная петля и пространственный крюк.
Для друга письмо на столе, как последняя нить.

«Привет, я – смотритель и не знаю, куда смотрю.
Я – чёрный маяк и не знаю, кому светить».

26.01.2016

Венки из акации

Одевайся теплее, мы выйдем с рассветом и пойдём мимо статуи промёрзшей реки, мы пройдем по болотам, где древние веды выступают на ветках то лип, то ольхи. Ничего не бери, кроме карт и картошки, кроме солнечных помыслов, лёгкой души. Скоро к югу проступит созвездие Кошки (я придумал, признаюсь – тебя рассмешить). Будет город, в котором скамейки, кофейни, полки с книгами прямо на стенах капелл, здесь беспечные жители кормят оленей из ладоней, мужчины не держат прицел, дети спят в гамаках на разросшихся кронах и война не крадёт их спокойный полёт. Мы останемся на ночь, а после – перрон и мост над пропастью, ели, заснеженный фьорд. В старом моно, в купе мы напьёмся настойкой, с тонким привкусом памяти, лета и смол. Ты, светясь, будешь грезить о доме с пристройкой, где весь кофе и снег – только крупный помол, где в гостиной среди деревянных панелей набросаем подушек, и пледов, и книг. Поезд мчится, метель между рельсами стелет, ветер гонит небесный китовый плавник. Не уснув длинной ночью, мы выйдем у бухты, в этот час она станет границей бран. Ты заметишь, что профиль мой с каждой минутой всё прозрачнее, виден сквозь лоб океан. Мы оставим друг другу венки из акации, обещание вечности, запах травы.

А потом нас вернут в наши реанимации,
по отдельности, в жизнь,
к чёрно-белым живым.

10.12.2016

Пустая фонема

Всевышний, когда я читаю твои стихи, что написаны в каждом из нас скрижалями и бывают заметны в улыбке и в жесте руки, в долгих взглядах, которые некогда нас отражали, я диктую их всем яснослышающим, но глухим и всегда удивляюсь: сколько ты в нас вписал. Я касаюсь их для ясновидящих, но незрячих. Эти головы, как-то вместившие небеса, эти бездны внутри, озёра и Аппалачи, подзамочные комнаты, тайны, Луна в Весах, твои строки, чернила твои наших рук перьевых, наши родинки – точки в конце твоих фраз, всего лишь. Я боюсь не сумею наложить равнозначные швы, когда ты наши души, как раны, для света вскроешь, обнажишь наши мысли под кучей бумажной листвы. Но страшнее, чем эта ответственность, этот долг – повстречать человека, забывшего все поэмы, кто так стар, как бог, одинок, как бог, отразиться этот пустой фонемой

и начать Вселенную с новых строк.

14.08.2017

«Кто мог, но так ни разу и не спел...»

Кто мог, но так ни разу и не спел,
кто был, но так решительно не стал,
не подходящие к незанятым местам —
надеюсь, не узнаю вас в себе.
Рычащие не на беду, а вглубь,
молчащие и вне библиотек,
не походящие на всемогущих тех,
но ровня этим всем, забившимся в углу:
кто вместо нот хватался за станок,
кто ноты криво брал вместо станка.
Пусть моя страстная, раздетая строка
целует всех, а я останусь одинок.
Пусть кровь застынет под землёй как малахит,
душа покинет эту колбу, будто ртуть,
но в зеркало, что поднесут ко рту,
ещё успею выдохнуть стихи.
Смущённые от слова «волшебство»,
но падкие на «Боже, дай мне знак» —
как вы осмелились его не опознать:

он пригвождён внутри.
Стучащий и живой.

9.11.2018

Карта леса

Вот карта леса, впрочем, ты знаток, как различить малиновый росток, как вычуть за городом дух древний, почтить в бумаге мёртвые деревья, из крана выпустить живой речной приток. Вот карта мурмураций птиц, ветров, давай без карт – ты чувствуешь нутром, надёжным компасом их знаки, перемены, как будто бы рука самой Вселенной сжимает твоё сердце под ребром. Ты чувствуешь, что в самом деле – мир, по грозовому небу бьёт Мьёлл-нир, в земле рождается сок силы животворный, и наши линии в ладонях плетут норны и сочetaют связью всех, кто сир. И ты идёшь, куда дорога бьёт стрелой, вот карта сердца – как тебе свезло, как хорошо, что ты один, но целен с ними (с хранимыми, горящими, живыми), как вновь срастающийся с жизнью перелом. Вот карта леса, лес повсюду, он во всём, в твоей крови его озон и чернозём, и никакой стеной это не сдвинуть: мы плоть огня и дети исполинов и что не вынесем – лишь дальше пронесём. Вот карты тюрем, где бетон и сталь нам сень, и нам не выбраться отсюда насовсем, но в те минуты, когда лес недосыгаем, ты держишь руки над опушкой и лугами другой души,

где вечна дикая сирень.

13.02.2018

«Жаль, что я переживаю всё, что не должен бы пережить...»

Жаль, что я переживаю всё, что не должен бы пережить,
приставка «пере» удваивает всё, усиливает сигнал.
Я плохой мятежник – позволяю другим устраивать мятежи
у себя в стихах, в своём сердце, о котором недавно узнал,
что оно не прочнее, чем птица под натиском едущих шин,
и его не спасёт от разрывов ни смертность, ни кетонал.
Я недавно узнал, что единственный путь к себе – путь разлук,
в том числе и разлука с собой, остановка внутренних диалогов,
нужно просто идти на звук, покидая свой юг или круг,
и брести на свой Север, во тьму, к болевому порогу.
Я недавно узнал, что любой есть сторонник и друг
до тех пор, пока ты причиняешь ему «не одиноко».
Жаль, что я переживаю свою любовь, как родитель дитя,
качаю её переломанный позвоночник, не верю апноэ,
и скорблю страшно немо – мне нельзя говорить о смертях,
после морга невежливо петь всем про неземное,
говорить, что не всё умирание в вечность вверху обратят:
в нас останутся люди и вещи кладбищенскою стеною.
Жаль, что имею такое сердце, которым недавно прозрел —
это слишком красивый мир, чтобы себя от него отшить,
мой голос пристроен к живым, пульс завязан на декабре,
но я так устал, понимаешь, я прочен, но сокрушим.

Пусть мой свет переживёт меня, как Достоевский расстрел,
как должно быть – ребёнок родителя,
птица – удар твоих шин.

24.10.2017

Сторожить нашу тьму

Нас никто не любил и поэтому – не убил, я придумал их всех – рассказать тебе сказочки к ночи. Я ходил тёмный весь, будто кто-то меня обесточил, будто кто-то казнил – не срывался с петлёй со стропил. Нас никто не любил – ни случайный, ни нужный, ни свой. Выживают любовники – Господи, как же мы мёртвы! Я считал, что бескровный пьёт кровь из моей аорты, чтобы выжить, на деле я сам хлебал этот раствор. Я считал – где-то некто сидит в темноте нелюбви, всей прохлады моей к нему, тщетно бросаясь углями. Нас никто не любил, потому в нас не занялось пламя, не сожгло наши плоти – зачем нас так сложно убить? Страшно что – мы же все поджигатели, мёрзнувший свет, глупость в чём – я плету чудный миф ради красного слова. Нас никто не берёт, только небо касалось лилово, только боги, любя, обвиняли нас в колдовстве, только жались бездомные кошки, ветра на мосту, там вчера я застыл, разминувшись с автомобилем.

Нас никто не убил, потому что нас кто-то любил, и сторожил нашу тьму, и бросался углями в беду.

4.10.2017

«Но тут-то приходишь ты, недоразумение...»

Но тут-то приходишь ты, недоразумение,
глупая вера в жизнь, нелепое чудище.
«Вы ко мне, извините?» Удивляется: «А к кому ещё?»
На пороге сердца стоит оранжевое, осеннее,
пахнущее имбирём, пространством заветренным;
Я не знаю: куда заселить его, как церемониться,
у меня в постояльцах неисцелимость, бессонница,
безрассудства и гнева искажённая геометрия.
У меня тут не прибрано, не выметено, невыносимо,
я вовек не крепил свой дух для простой благодати.
«Да господи! Уходите, не стойте, не майте».
Но стоит, идиотское, тянет какой-то снимок,
дурацкую фотокарточку, выцветшую и мятую:
ели снежные, солнце, дворик, я в шапке с бубоном
там стою, улыбаюсь дебильно, светло, несмышлёно,
там меня обняла эта вера во что-то, в когда-то,
эта страшная вера в кого-то, в себя и в чудесное.
«Я останусь, – твердит, – не доставлю тебе хлопоты.
Если нужно поплакать – я выйду в другую комнату.
Я, вообще-то, всю твою жизнь обставляю другую комнату,
вот доплачешь, пойду покажу – там выход к созвездиям».

10.09.2019

Вспомни меня

Он несёт свою старую душу в новой толстовке, он старательно ищет в новеньких людях древних. Там, где раньше сгорела деревня – стоит остановка, полководец девятого века – теперь фитнес-тренер. Иногда он не может проснуться от трелей смартфона, иногда у него аллергия на женщин в костюмах. Он всегда стоит поодаль жизни, к ней, в целом, не склонный, от страстия минимум быть и на максимум думать. Что там, за этим взглядом, где кольца еловой сетчатки отражаются в заводи тихих чертей рассудка? Люди бросят гадать, отвлекутся на вторник, осадки, на эфир в соцсетях, подъезжающую маршрутку. «Что там?» – спросит он сам у себя, неуместен, забывчив, – чем наполненный, что растерявший, в каких единицах? Деревянную голову мерит шагами лесничий, сердце-корень трясётся под впалой грудной половицей. И не спится, не молится, слов не находится правильных, календарь тянет песнь мимо ритма, как йодлем по джазу. Он несёт свою древнюю боль мимо ранок экранных, для неё не придумать ни хосписов, ни эвтаназий. Сотый раз на Земле уставать, но дожать стажировку, одиночеству клясться сбежать, но всегда оставаясь, он несёт свою старую душу в новой толстовке.

У тебя есть такая же.

«Вспомни меня», – гласит надпись.

18.11.2017

«Я смотрю на тебя, и, кажется, я тебя знаю...»

Я смотрю на тебя, и, кажется, я тебя знаю
травой на своей могиле, вотчиной, домом.
Ты раскроешь объятия – будто старая дверь резная
отворится, как выход из всех замурованных комнат,
из сонного монохрома.
Мне откуда-то ведомо, как твои пальцы держат
нити воздуха в лёгких кошковой колыбелью,
как в тебе умирает закат – розовато-бежев,
а твои переломы и свет даже не постарели
за пять тысяч апрелей;
как твой голос сбегает эхом из тьмы кварталов.
Как тебя не хватало в этом немом обете.
Я смотрю на тебя и вижу маяк на скалах
для драккаров моих деяний, историй, наследий
к ослеплению смерти.
Словно где-то ты есть, ощутимый на тонком плане,
как останки моей исчезнувшей Гипербореи,
как забытое место, в которое меня тянет.

Я смотрю на тебя и, будто бы, правда зрею
существующей дверью.

11.10.2018

В здешних лесах

Вот они собираются – дети своей весны, достают рюкзаки, сухой розжиг, дождевики. «Выходи гулять, Анна, встретимся у стены, захвати старый дедов „Зенит“, в сумку термос закинь». Вот идут они мимо моих охраняемых графств, где я крашу табличку «It's dangerous. Кеер away». Время выйти – сейчас, но проходит за часом час, и скатился закат, и давно перекрыли сабвэй, но любимцы апреля успели на крайний рейс и автобус домчит их в лагерь среди ветвей. Я твержу себе: «Здесь ведь я тоже услышу лес, потому что он постоянно в моей голове, в ней есть скалы и гнёзда, дубы и сплетения нор, безобидные пумы, костёр, неспособный сжечь. Хорошо, что я тут – прогуляюсь в себя (в упор) и вернусь по мерцанию своих безопасных свеч». Поезжай с ними, друг мой невиданный, брось хандрить, трогай пламя руками, запой под аккорд дождя, узнавай, что Вселенная шире твоей двери, разгляди, как там, с небом обнявшись, сидят, как светлеют их лица и взгляды мерцают хной. Помолись за меня, ибо в здешних лесах моих не совсем безобидные волки бегут за мной.

Хорошо, что ты с теми, кто следует за весной,
они знают, что звери рассудка страшнее живых.

19.04.2017

«Под этой брусчаткой когда-то лежала трава...»

Под этой брусчаткой когда-то лежала трава,
под лентой шоссе обретался густой перевал.
Земля замолчала под слоем бетонного шва,
земля затерялась под мусором и прогрессом.
Идёт человек, вспомнив: Брэдбери написал,
как в город июльский вторгались с окраин леса.
«Природа по праву своё забирает назад», —
твердит человек, огибая фиалки вдоль леса.
Когда-то во мне тоже был изумруд и нефрит,
остролист, что ещё где-то в рёбрах острит,
а теперь здесь змеится пустая Мейн-стрит
и седьмая война поднимает дырявые флаги,
свежезалитый битум блокирует тайный портал,
чтобы я никуда не летал, оттого – не страдал.
Человек, не ходи сюда, стены и темнота
образуют внутри меня карцер, тупик, концлагерь.
Но идёт человек по лазейкам, осколкам гранат.
«Ведь под этой жестокостью лес, просто он примят,
ведь под этим могильником небо, что было «над»,
нерушимая вечность и юность земель Коринфа».
И идёт человек, и Вселенная тянет других,
они входят, стучатся мне прямо в стальные виски
и сажают усердно в бетон золотые ростки,

и леса под асфальтом плачут по ним моей лимфой.

9.05.2017

Как тут поговорить

Всё не находится времени, силы, настроя сказать тебе, что я сломаю когда-нибудь врущие указатели, убью разбойников в диком лесу, усыплю надзирателя и путь к тебе простелю святой кровью и вешней зарёй. И кто меня остановит? Прирученный зверь – больше некому, ну, может, дух городской меж коттеджами и аптеками слетит к вокзалу и что-то намотит с билетными чеками и я, как в страшной петле, вместо «к счастью» приеду домой. Да что я... всё не находится храбрости письма рассказывать – как можно честно: всё в мире мне кажется одноразовым? И только свет о тебе протекает небесными трассами, и только сон о тебе – повод встать, чтоб скорей снова лечь, а среди дня тебя чувствовать магией, дивинацией – как ты незримо касаешься стенки холодными пальцами (между мирами), я так же синхронно стараюсь касаться, и сами время, пространство тянутся, будто стретч.

Всё не находится силы дойти по шнуру телефонному, сказать, что все мы пылали, а стали такими покойными, и нас хоронят друзья с чёрным поясом и погонами – мне воздают ордена за печаль, чёрствый дух и побег. Всё не находится рации, почты, гонца, поручителя сказать, что жить одному на Земле так легко и мучительно, но я хочу показать тебе мир, что другие развидели, дрожащий сотней вселенных на внутренней ткани век.

Всё не находится часа и повода, ручки и прочего сказать, что вольты любви без приёмника обесточены, по сути, каждый – огонь, закупоренный одиночеством, и я не знаю, что будет, когда он взорвётся внутри. Да я всю вечность искал бы тебя, чтобы свет этот вытянуть из наших диких, напуганных душ разговорными нитями, и я нашёл бы и силы, и речь, ты бы стал их хранителем,

но ты и сам не находишься.

Как тут поговорить?

4.01.2017

«Мы не просили этой музыки, Отец...»

Мы не просили этой музыки, Отец,
как и помоста, свет гирлянды, пианиста,
хорал ветров, входящий в нас со свистом.
Мы не избрали жизнь по крепости сердец
и нам не выдали паёк, причал и тыл.
Инструктор не крепил нам парашюты.
Здесь приземлившийся скучает по кому-то,
кто мог не прыгнуть и чей грог давно остыл.
Мы не просили этой музыки, диджей,
но, каждый раз, идя по улице без цели,
я чувствовал, как ржавые качели
во мне взмывали до небесных этажей.
Лишь стоило поймать вокал и бридж,
когда весь мир застыл сверхчутким меломаном.
Я не хотел бы знать тоску по дальним странам,
по звёздам, из чьих тел ты состоишь,
печаль по голосу, что слов не произнёс,
и по руке, меня не смеющей касаться.
Танцуй без нас, ведь здесь никто не любит танцев,
ряд одиночеств приглашая на помост.
И пусть стоим в тёмных углах и нас трясёт
от звука длиной в жизнь, из поднебесной.
Мы не просили этой музыки, но песня
моя любимая.
Дослушаю.
И всё.

24.10.2016

Пусть это будешь ты

Меня сведёт в могилу доброта в обличье вежливости и любовь к котам бездомным, будто кот, как хлам – не нужен. Ещё беда, что есть такие души: «Спаси меня, я после всё воздам». Я знаю, как затягивать жгуты, я не стесняюсь венной наготы, когда распахнутое сердце валят комом. Я столько лет сидел над чей-то комой, что нынче путаю: где чай, где нашатырь. Меня толкнёт к могиле час весны, когда жасмин под пальцами луны цветёт и пахнет на извилистых аллеях, никто не выхватит и не запечатлеет боль красоты, когда мы влюблены во всё, что кратко, ибо вечность ждёт, пока подсохнет на земных порезах йод, пока мы выплачемся – маленькие старцы, мы будем умолять её остаться, забыв, что выплатили смерти наперёд, забыв, что звали смерть в упадке сил. На деле же – меня угробит синь чьего-то океана потайного, но после сотни пропусков и остановок подпустят лишь к береговой грязи. Но не смертельны здесь труды мои, сады. Когда я стану слишком старым и пустым – пообещай, что ты услышишь моё «Хватит», легко отдашь меня в земельные объятья.

Почту за честь.

Пусть это будешь ты.

2.02.2017

Тайный луг

Судьба моя, листья падают, лес горит. Здесь любая боль переводится на санскрит, в этот день любые календари упадут с обоев, часы заклинит. Это будет завтра. Я не готов. Перед жаждой мало и ста глотков. Перед пулей сердце – уже решето. Я вздохну поглубже, пойду к долине. Помнишь, как мы спорили: кто убьёт, кто быстрее схоронит, одетой в лёд; я держал за шкуру, скрививши рот, ты омыла руки от алых капель. Не сумев и выплакаться над ней, уходили порознь к спешке дней. Я не спал от злости: уж лучше б мне вместо нашей нежности в горло скальпель! О, судьба моя, листья падают в седину, я умру – нас вместе не помянут. Где-то двадцать лет к твоему окну приходил, надеясь, что не замечен. А сейчас иду на наш тайный луг. Что же мы свершили в две пары рук? Если так боялись держать кобуру, а ушли без совести и осечек. Помнишь, как срывали холодный дёрн и её – сплетение наших имён – положили в землю, затем уйдём друг от друга дальше возможных далей.

Я спешу к долине, горят леса. Третий год смотритель велит: «Назад!»

Кто-то там тайком поливает сад,
там, где мы любовь свою закопали.

21.09.2016

«На всякий случай я умру в твоей груди...»

На всякий случай я умру в твоей груди,
как горлица срывается с ореха,
едва заметишь, будто кто-то переехал
с соседней улицы, по коей ты ходил
в осенних сумерках, и трейлер весь зарос,
«Как странно уезжать из автодома», —
заметишь вскользь, огнями в даль ведомый.
На всякий случай я умру и в мыслях вскользь.
Я выдохну и в память, не вдохнув,
слегка расшевелив пыльцу и кадры,
и в морге отпоюсь, не надо падре,
нельзя разоблачаться в тишину.
Какая вольность умирать в твоих словах,
врываясь паузой, пробелом, там, где имя.
И если же стрелять – то холостыми,
но если же стреляться – внутри Вас —
у сердца помолиться, выйти в холл
души, сжимая дрожь у спускового,
и лечь на кафель, как трагичный заголовок,
но если же остаться – множить боль,
которую ты точно ощутишь —
я впрок спасу тебя от преисподней.
Ведь если ты решишь меня не вспомнить...

Когда решишь —
вопрос мгновенья лишь.

14.07.2018

Стихи в коробке от ружья

Хранить стихи в коробке от ружья, в дорожной сумке – карту к изоляции. Он думал, что господняя швея его намеренно скроила из сырья, к какому люди не посмеют приближаться; где чёрная материя в груди закрыта книгой и скрещёнными руками, и всякий свет, что слишком близко проходил (будь он людьми, или огнями бригадин, хоть будь он песней, что впитал соборный камень), затягивался внутрь, словно пыль, и оседал весомыми вещами, и в нём естественно смешались шторм и штиль, погожий день и самый страшный фильм, и все транзиттеры на свете отощали, проводники иссякли, провода провисли серо капиллярами покойных, как декорации шатались города, и жгло нутро, и всё попавшее туда уже никак не станет посторонним, наружным, внешним: лампочкой в порту, звездой над морем, голосом и взглядом. Владея светом, обнаружить слепоту, потерю цвета, видеть, как цветут весна и лица, ощущать лишь их утрату, тем пристальней заглядывать в окно больших и маленьких светил в своих чертогах. Он думал, что космический портной назло скроил его столь жадной глубиной, что мир реальный не предложит так же много. Так оставалось пялиться на свет внутри (вовне объём сменяет впалость) столь бесполезный, как закрытый лазарет.

И он хранил любовь в коробке от конфет,
тянул к ней провод,
а она не зажигалась.

31.01.2017

«Не каждый день приходит письмо, поступает входящий...»

Не каждый день приходит письмо, поступает входящий,
и белоснежные совы не часто бросаются свитками
у твоих окон (раз в тысячу лет, ну конечно, не чаще),
и вот однажды приходит посланник, и он – настоящий,
и синим небом узорным глаза его вытканы.

Не каждый год телеграф сообщает: «Вам весточка. Точка».

И Бог давно отпустил референта и вышел со станции.

А тут посланник, ты думаешь: «Вдруг у него заточка», —
но добрый Боже ведь так не подставит своих одиночек,
и ты не мыслишь: пришедший даст всё,
с чем так трудно расстаться.

Когда закрыты конторы вверху и дары сняты с ленты,
когда мир знает, что ты безразличен к плакатам и клоунам —
этот посланник пришёл и сам отворился конвертом,
и из него вышла музыка, ветер над северным летом,
открыв глаза, разметав твои волосы беспокойно.

Он говорит: «Это всё для тебя, забирай, не бойся».

Ты говоришь: «Я боюсь, меня сроду никто не одаривал».

Ты умолчишь, что кусочком припрятана бывшая осень,
о том, как нищ до того, что любого тепла колосья
срываешь жадно и голодно, пьёшь его жалкое варево.

Но твоё сердце идёт к нему, всё, что дают, принимая,
всё здесь на сто лет вперёд рассчитав по крупице, по миле.
Возьми, насыться же, память, прошедшая и прямая.

И когда вдруг твой даритель подходит к тебе, обнимает —
ты так спокойно, легко

умираешь от изобилия.

19.08.2017

Реальность придумала снег

Ты правда боялся, что я не сумею вернуться назад к зиме, скитаясь по путаным скверам Застенья и трогая лес душой? Я слышал драконов в цепи Пиренеев и белый огонь перемен. Ты можешь гордиться, я, видевший тени, – единственный, кто пришёл. Я падал на лодке с ржавых водопадов, проспорил богам амулет, пил ром на разрушенной крыше театра с людьми, что эпоху мертвы. Я думал: «О, Господи, пусть будет правдой, что жизнь – это больше, чем свет, громадней „сегодня“, загадочней „завтра“ и я смогу быть рулевым; таким, кто владеет штурвалом без дрожи, чей взор напряжён и остёр, и каждая буря – разминка, изжиток, проверка на крепость сил». Я был верен тем, кто сдирал с меня кожу и после бросал в костёр и всё, что я вынес из камеры пыток – жнёшь боль только ту, что просил. Я, правда, потребовал вверить мне пламя для обжига хлипких частей, но истинной близостью не был одарен, боюсь, я ещё не дорос. Я знал одиночество, жил при ашраме, и жизнь после сотни смертей осталась прекрасной. Шесть струн на гитаре звучат кататонией звёзд. Я был в доме ветра, вцарапал знаменья в духовную древнюю гжель. Ты правда боялся, что числюсь пропавшим, что путь возвращений поблек из троп путешествий, где создал Застенья я, не покидая постель?

Но тем, кто не может быть здесь, в настоящем,
реальность придумала снег.

10.01.2017

«Я, конечно, могу тебя вылечить, кем бы ты ни был...»

Я, конечно, могу тебя вылечить, кем бы ты ни был.
Врачевал и немых, и ослепших, подстреленных поднял,
Отрывал от себя каждый хлеб, каждый дар новогодний
И кормился лишь небом, рисуя над главами нимбы.
У меня были люди-царапины и переломы,
Я им пел очень тайные песни, жертвуя кармой,
Как итог – у меня никогда не рубцуются шрамы,
Мудрецы говорят: свет бушует сквозь эти проёмы.
Но так ярко, что спать получается лишь погранично,
А снаружи темно, словно дом без владельца и тока.
Мне пора бы уверовать в друга, электрика, бога,
Починить этот сбой, а не шить постороннюю личность.
Я, конечно, тебя подлатаю и внеочерёдно,
Обветшалые крылья заглажу алмазным покровом.
Мудрецы говорят: меня вылечит краткое слово
От моих освещённых, я высплюсь, очищусь свободно.
Либо мантра мне эта неведома, всё-таки, либо
Я готов всю жизнь плакать, терпеть, подключаясь в незрячих.

Ведь, похоже, мне нравится выгореть без отдачи.
Я вообще обожаю ни разу не слышать «Спасибо».

18.10.2016

Охико

Говорят, в Индонезии древний обычай силён: если вдруг человек устаёт от привычного «я», можно выбрать другое имя, целей по краям, представляешь, любое из всех всевозможных имён. По-японски мне имя Охико – «великий огонь», я пойду и зажгу фонари в самых чёрных сердцах, я умру Росомахой в Лесу Золотого Скворца, когда листья дубов укрывают ноябрьский склон. Я хочу прекратиться по графикам, улицам, дням, чёрной тушью закрасить лицо, изувечить язык. Если ты меня знаешь, то в курсе, что я – черновик, мне пора уходить и себе доказать меня. Ночь над фьордом, голос столиц и кладбищенский смог мне подскажут, какой я на деле, зачем я пришёл. Попрошусь быть волной, омывающей каменный мол, я взмолюсь быть землёй самых дальних, поросших дорог.

Я неправильный, я наизнанку, я вспять и назад. Мой единственный дар в этой данности неприменим. Я умру в Галлифрее, закрой мои звёзды-глаза, мы никак не хотели родиться такими людьми. В понедельник прибудет состав до приморских дорог. «Я умру Атлантидой», – смеюсь, ожидая вагон.

А ты скажешь врачам: «До последнего верил, что смог изменить свою душу, бедняжка, Великий Огонь».

9.05.2016

Ящик Пандоры

Докопаешься до своей глубины, до седой сердцевины, откроешь сокрытое там, словно ящик Пандоры, понимаешь: теперь это ямы, не звёзды, не горы. Понимаешь, что от тебя не осталось и половины. Скажешь: «Господи, я же хотел летать и лечить зверей, я хотел говорить убедительно, важно молчать, возлюбить человечество, будто недельных волчат, тех, которых охотник отрывает от матерей. Я хотел жить у моря, влюбляться в бушующий пульс, а живу у развалин убогого городка. Всё, что есть у меня – одичалость, душа и строка, да и те не продать – у валюты высокий курс». Докопаешься к этим мыслям в бессонную ночь, как сводящий с ума ультразвук, они будут в ушах очень долго, останется вытерпеть, не дышать, утро склеит тебя обязательством жить, словно скотч. Хорошо, что ты сносный актёр и не выдашь надлом, будешь тайно надеяться, что не придёт рецидив.

«Хорошо, что летать не решился, поэтому жив», —
говоришь, потолок задевая зажившим крылом.

30.11.2015

«Человек просыпается, будит свою тоску...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.